

ЭТИМАД БАШКЕЧИД

Велосипед

Рассказ

Перевод Солмаз СУЛЕЙМАНОВОЙ

Известная пословица гласит: «Мой ребенок мне дорог, но его воспитание – дороже». Мы, азербайджанцы, много говорим о воспитании, возможно, даже больше, чем народы всего мира, вместе взятые. Если говорить по совести, то мы не ограничиваемся только разговорами, есть немало людей, которые посвящают все свое свободное время детям. И мой отец, который много лет работал директором школы в Дманисе, был таким человеком. Правда, у моего отца было не так много свободного времени, он работал и по выходным. Вот почему он ничего не знал о том, что мы вытворяли на протяжении всего дня, чем занимались. И если бы не мой младший брат Мехти, это так бы и было! Отец назвал брата в честь своего отца, однако брат больше походил на деда по материнской линии – не мог держать язык за зубами. Как только наш отец переступал порог дома – начиналось. Мехти в красках рассказывал отцу то, что случилось и не случилось в течение дня.

Сколько раз я бил этого балабола за ябедничество, по-хорошему уговаривал его – не срабатывало. Возможно, причина была в том, что он учился в русском секторе, или еще почему-то, но Мехти не было равных в этом деле. В то время он учился во втором классе, я же был старше него на три года. Папа всегда терпеливо слушал брата. Его, состоящая из русских и азербайджанских слов, словно винегрет, речь могла вывести из себя любого, но только не нашего отца. Отец не сердился на Мехти, всегда либо гладил его по голове, либо нежно трепал волосы. Но все было иначе, если у отца случалось плохое настроение. В этом случае, опираясь на информацию, почерпнутую из монолога Мехти, отец хмурился и начинал читать наставления, приводя в пример образцовых детей соседей и родственников. А затем, как правило, обещал, что будет весьма плотно заниматься нашим воспитанием, ибо нашей матери не до нас, и если так будет продолжаться, то из нас не получится достойных людей.

* * *

Говоря, «вы сами себе предоставлены», отец косвенно предъявлял претензии нашей матери, и на этот раз он был прав. Когда он в последний раз (незадолго до события, которое я опишу ниже) читал нам нравоучения, мама была беременна третьим ребенком и ей было не до нас. В последние дни мама уже не находила себе места. Она то ложилась на кровать и спустя некоторое время, охая, вставала, а то весь день ходила вперед-назад. Иногда они с отцом тихонько разговаривали. В то время я уже перешел в пятый класс, и кое о чем имел представление. Я знал, что максимум через неделю или дней десять в доме появится еще один человек.

В тот вечер отсутствие настроения у моего отца повлияло на нас всех, но

больше остальных насутился Мехти. Даже будучи ребенком, он понимал, что после столь серьезного порицания он продолжительное время не сможет ни о чем просить отца. И, в частности, мечтам о велосипеде придется долго ждать. Он молча взял книги и тетради, сел у печи и, шевеля губами, запел про себя.

– Разве я не говорил тебе, что когда ешь, то не надо шевелить губами, – в этот момент отец был недоволен всем. – Что это за привычка у тебя?

* * *

Прежде чем продолжить наше повествование, расскажем об увлечении Мехти велосипедами. Если сказать, что ему снились велосипеды, значит, ничего не сказать. Как только выпадала возможность, к месту или нет, Мехти сразу же заводил речь о велосипедах. У него была большая коллекция вырезанных из газет и журналов картинок с изображениями велосипедов. Это сокровище он хранил в одном из отсеков своего портфеля.

Следует заметить, что Мехти был не из тех детей, которые, поговорив, умолкали. Он, как и мой дед по материнской линии, старался добиться желаемого упрямством. И это несмотря на то, что очень хорошо знал: отец сам должен захотеть что-то сделать. Другого варианта не дано. Наконец перед непрекращающимися атакующими требованиями Мехти сдалась и наша мама: перешла на его сторону:

– Ради Аллаха, купи ему велосипед, мы уже сыты по горло!

Отец так скоро не собирался сдавать свои позиции. Поэтому он твердо отвечал:

– Еще не время!

– Почему не время? Он уже большой. Купи велосипед, пусть катается. Надоело!

Настойчивость нашей матери в этом вопросе привела к перестановке сил в пользу Мехти. Все более неубедительными становились слова отца, мол, «еще не время». Но надо было принимать решение. И наконец он озвучил свои аргументы:

– Пойми, это плохо отразится на поведении нашего сына. Придет время – купим. Что за спешка?

Если тема затрагивала вопросы воспитания, то спорить с отцом было бесполезно. Он был учителем и хорошо понимал, что надо делать и как следует поступать в этом случае. И знал это, возможно, лучше всех жителей нашего села еще и потому, что был не просто учителем, а директором школы. Разве могли бы назначить директором человека, который бы не разбирался в воспитательной работе? Нет.

Я больше Мехти был разочарован отказом отца. Признаюсь, что несмотря на мою неприязнь к Мехти, я с нетерпением ждал дня, когда же ему купят велосипед...

* * *

Почти месяц минул с того разговора, и за это время Мехти ни разу не заикнулся о велосипеде. Но я очень хорошо знал Мехти, знал, что он так легко не сдастся. К тому же я не желал упустить случай посмеяться над ним, уколоть его. Чем черт не шутит, а вдруг его раны заживут, и он распрощается с мечтой о велосипеде. По утрам спростонок, украдкой, чтоб отец не слышал, я подтрунивал над Мехти:

– Мишель, а можно я возьму твой велосипед? У меня сегодня много дел. – Мехти не отвечал. Я же нарочно приободрял его: – Ничего, Мишель. Вырастешь, заработаешь денег и купишь себе шикарный велосипед. Правда, взрослый мужчина на велосипеде смотрится несколько неуклюже. А что делать? Не станешь же ты, купив велосипед, причинять себе душевную боль?

Мехти же вел себя так, словно мои едкие слова его никак не касались.

* * *

Как-то я ел груши под нашим грушевым деревом. Ко мне подошел Мехти и протянул скомканный клочок бумаги. Протянул ее мне и сказал:

– Возьми и прочти.

Прочитал. На русском языке было написано весьма замысловатое предложение.

– Что это?

– Сможешь перевести? – он в упор смотрел на меня. На лице же читалась ирония, мол, «друг, это тебе не под силу».

– А что тут переводить-то. Сделаю за две минутки, – ответил я в пику ему.

– Сделай, посмотрим. Сможешь – молодец.

Две минуты превратились в два часа. Я собрал все словари, которые были в доме. Наконец смог составить предложение. Следует сказать, что азербайджанское предложение было не менее сложным, чем русское. Мехти переписал азербайджанский вариант предложения, сунул бумагу в карман брюк и поднялся из-за стола со словами:

– Если мне купят велосипед, то ты сможешь кататься, сколько душе угодно. Даю честное мужское слово!

Думаю, что сказал он это в знак благодарности. На все мои дотошные вопросы относительно того, как это предложение соотносится с велосипедом, ответа не последовало.

* * *

Вечерело. Мы сидели вокруг стола и пили чай. В то время беременность нашей мамы не была столь очевидной. Она смеялась и шутила с нами. Отец обратился к Мехти:

– Мехти, как только занятия кончатся, я куплю тебе велосипед. Обязательно куплю, по рукам?

Мехти молчал. Но поскольку наш отец был учителем, ему не нравилось, когда вопросы оставались без ответов.

– Тебе говорю. Договорились?

– Нет, я сейчас хочу.

Отец передразнил Мехти:

– Я сейчас хочу. А кто за тебя уроки будет делать?

Мехти был не из тех, кто лез за словом в карман:

– Ты же не купил мне велосипед. Откуда ты можешь знать, что если у меня будет велосипед, я буду плохо учиться.

– Я не говорю того, чего не знаю. Разговор окончен. Наступит лето – куплю велосипед.

Мехти слегка заерзал на месте, словно набирался решимости. Он прошелся взглядом по каждому из нас и остановился на отце:

– Отец, знаешь кто ты?

Отец с нескрываемым удивлением посмотрел на Мехти:

– И кто же?

– Ты последовательный субъективный идеалист, который считает свое сознание единственно верным и отрицает объективную реальность.

Я замер на месте. Это было именно то предложение, которое я с большим трудом перевел накануне. В одно мгновение мне показалось, что все смотрят на меня.

Как бы я ни старался собраться, я покрылся холодным потом, и по моим щекам пошел нервный тик. Но нет, все внимание было сосредоточено на Мехти. Отец старался выглядеть хладнокровно. Немного помолчав, он сказал:

– Скажите, пожалуйста! Молодой человек, потрудитесь объяснить, почему вы думаете, что я – последовательный субъективный идеалист.

Он обратился к Мехти на «вы», словно подчеркивая, что выказывал ему уважение как серьезному противнику.

– Потому что происходящее во вселенной для тебя – ничто, а твое представление о нем – всё ... То есть, для тебя! ...

Я и мама молча смотрели то на отца, то на Мехти. Было очевидно, что мама ничего не понимала в этой словесной дуэли.

– Даже так! Хорошо. Что вы имеете в виду, когда говорите «объективная реальность»? – отец затаился сигаретой и выдохнул дым над головой Мехти.

Но тут Мехти, словно ученик, плохо выполнивший урок, растерялся и стал ретироваться:

– Объективная ... реальность ...

Он был похож на певца, который сходу взял самую высокую ноту и теперь не может продолжить песню.

– Ради Аллаха, вы о чем? – мамин голос выручил Мехти. – Говорите так, чтобы всем было понятно.

Отец, как ни в чем не бывало, сказал:

– Так, ни о чем. Сын хочет сказать, что я неправ и должен купить ему велосипед.

Когда закончилась «чайная церемония», выходя из кухни, отец повернулся к Мехти и сказал:

– Скажешь дяде Мамишу, что последовательный субъективный идеалист – это он сам.

В сказанных отцом словах прослеживалось чувство самоудовлетворения, словно он не позволил кому-то обмануть себя.

* * *

Дорогой мой читатель, наш рассказ будет неполным, если я не заведу разговор о дяде Мамише. Он – младший брат нашего отца. На самом деле его звали Магомед, но вся деревня звала его «Мамиш». От нашего отца он отличался тем, что любил застолие и не упускал случая устроить драку. Если он кого-то и сторонился в деревне, так это был наш отец. Время от времени односельчане приходили к отцу с жалобой на дядю. Отец же старался убедить их, что, мол, это уже случилось и больше не повторится. Когда люди уходили, то он посылал меня или Мехти за дядей. Тот шел к нам не спеша, отец отводил его в дальнюю комнату и вел с ним продолжительные беседы. Но дядя Мамиш был еще тот дядя Мамиш: он был очень упрямым человеком. После подобных разговоров он как ни в чем не бывало вместе со всеми пил чай и при этом незаметно для отца хитро подмигивал нам, легонько кивал в сторону отца головой и исподтишка посмеивался. В таких ситуациях моя симпатия к дяде увеличивалась в разы. Мне казалось, что втроем мы создали тайный орден, и никто кроме нас не знает о его деятельности.

Но была одна вещь, которая выделяла дядю Мамиша из односельчан – наличие у него машины марки «Виллис». Вы даже не можете представить себе, что значит иметь в таком месте, как наше село, машину марки «Виллис». Особенно в зимние

месяцы, когда дороги заносило снегом, и мы оказывались полностью отрезанными от внешнего мира. Когда где-то застревал «ПАЗ», приезжающий в деревню раз в день, людей выручало единственное средство передвижения – «Виллис» дяди Мамиша. Зимой дядя Мамиш сиял от радости. Как только начитал выпадать даже самый мелкий снежок, радости дяди Мамиша не было предела.

В один из таких дней дядя Мамиш произнес:

– С неба не снег сыплет, а манаты. Манаты!

Эти слова сказаны были неспроста. В снежные зимние дни дядя Мамиш спозаранку выкатывал свой «Виллис» в центр села и, словно опытный рыбак, закинувший удочку в воду, терпеливо ждал. Часть людей, вынужденных ехать в районный центр по своим делам, не дождавшись автобуса, расходилась с бранью в устах в адрес шофера и властей. Другая же часть вынуждена была прибегать к услугам дяди Мамиша. Его такса за проезд была известна каждому: за тридцатикопеечную дорогу до районного центра он брал ни много, ни мало – ровно один рубль. Когда я говорю один рубль, то ты, мой дорогой читатель, знай, что в то время он был равен нашему «ширвану»¹, а может быть, и больше.

Выражение «с неба не снег сыплет, а манаты», стало крылатой фразой. Когда в селе выпадал снег, то все говорили друг другу, мол, «кажется, снова мощный манат выпадет». Я помню, когда мой отец узнал о том, кому адресована эта фраза, то сильно разозлился.

– Какой же он невоспитанный человек! И в кого же он такой? – ворчал отец по этому поводу.

Дядя Мамиш дружил с Мехти. Несмотря на протесты отца, дядя часто брал с собой Мехти и даже научил его держать руль «Виллиса». Отец говорил, что Мехти похож на дядю, но сколько бы я ни старался, не мог найти общих черт в их лицах...

Если принять во внимание теплые взаимоотношения дяди и Мехти, то, безусловно, отец не ошибся в своих предположениях – именно тот дал указание Мехти. Иначе откуда Мехти мог знать про «объективную реальность», про «последовательный субъективный идеализм».

* * *

Итак, наконец-то мы можем продолжить рассказ с того места, с которого и начали. Как я и говорил, в тот вечер у отца не было настроения. Более того, он был несколько рассеян и расстроен. Отец часто заходил в дальнюю комнату, к маме. А когда выходил, то становился еще более взволнованным. Дверь в ту комнату была открыта, и я мог видеть, что маму окружали соседки. На земле не было других живых существ, которых я так сильно ненавидел в тот момент: речь о женщинах, которые, как мухи, слетевшиеся на мёд, обступили нашу маму. Мне казалось, что именно они были виноваты в царивших в нашем доме панике и суматохе.

Было около пяти-шести часов вечера. Отец надел стеганую куртку и поспешно вышел из дома. Словно сговорившись, я и Мехти побежали вслед за ним. Порог был сильно заснеженным, а ночь – ясной. Ступая по проложенным в снегу следам отца, мы направились к дому дяди Мамиша. У меня не оставалось сомнений (это показывал и ход событий), что наступило время везти маму в больницу. В другое время отец отправил бы за дядей одного из нас. Но в этот раз он стал действовать сам, из чего была очевидна серьезность ситуации. Наконец мы дошли до дядиного дома. Во дворе была привязана огромная серая собака, которая своим глухим лаем оповестила хо-

¹ Ширван – сокращенное название выпущенной в 1994 году денежной единицы Азербайджана номиналом 10000 манатов. Названа так из-за изображения на лицевой стороне купюры дворцового комплекса «Ширваншахов».

заяв о нашем приходе. Спустя некоторое время дядя Мамиш высунул голову из дверей и позвал нас:

– Что стоите там? Проходите в дом.

Отец с нетерпением:

– Время не ждет. Быстро выводи машину, едем!

– Куда? – дядя Мамиш вышел на порог и закрыл за собой дверь.

– Жену мою в роддом надо везти, торопись, говорю тебе!

Я ожидал, что, услышав эту новость, дядя Мамиш разволнуется больше отца, бегом спустится по лестнице и побежит в сторону гаража. Но не тут-то было: человек полагает, а бог располагает. Дядя стоял, как вкопанный, на его лице отражалось спокойствие Будды. Отец шагнул вперед:

– Мамиш! Ты что, остолбенел?

– Ммм.. Я в это время .... Не смогу поехать.

– Что?

– Не смогу поехать... Сам знаешь ... Время такое ... Литр бензина подорожал до 50 копеек, покрышки никуда не годятся.

Я не верил своим ушам, если бы сию секунду разверзлась земля, то я с большим удовольствием провалился бы туда. Я сильно пожалел, что не остался дома. Мехти спрятался за отца, словно хотел раствориться в его тени.

«Так ему и надо, – подумал я. – Он и похож на дядю Мамиша, и дружит с ним».

– Так вот что! – многозначительно заговорил отец, Мне показалось, что я услышал свист отраженных от дяди Мамиша слов. – Ты пьян?

– Ни грамма не выпил!

Я думал, что отец повернется и уйдет. Но нет! Напротив, он стал договариваться:

– Сколько манат хочешь?

– Двадцать пять хватит ...

– Двадцать пять? Ты в своем уме?

– Это такое дело, что ... С постороннего человека я взял бы больше ...

– Конечно, конечно! Спасибо, что уважил ...

Наконец стороны пришли к согласию. Дядя Мамиш поспешил к гаражу, и, едва мы уселись, «Виллис» набрал скорость. Ранее (да и потом) я не видел, чтоб дядя Мамиш водил машину с такой скоростью.

Когда мы усаживали маму в «Виллис», смог всунуться туда и хнычущий Мехти. Конечно же, он не мог упустить случая попутешествовать на машине. Я тоже молча пристроился рядом: не оставаться же одному дома! Всю дорогу ни отец, ни дядя Мамиш не проронили ни слова. Глухой звук работающего на большой скорости мотора, мамины причитания, неуместные реплики сопровождающей ее соседки не смогли убрать на задний план неудобств создавшегося положения.

* * *

Когда мы добрались до больницы, было достаточно темно. Маму уложили на носилки на колесах и увезли внутрь. Отец подошел к курящему у машины дяде Мамишу и протянул ему приготовленные двадцать пять рублей. Дядя хладнокровно взял деньги, положил их в нагрудный карман пиджака, сел за руль и уехал. Некоторое время отец смотрел вслед машине. Но потом вернулся к нам. Мы стали ходить по двору родильного дома. Убирающий снег старик сделал замечание отцу:

– Почему дети мерзнут тут? Идите домой.

Отец в упор посмотрел на старика, словно не слышал или не понимал его.

Спустя полчаса издалека послышалось знакомое гудение «Виллиса». Машина медленно подъехала к нам и остановилась. Дядя высунул голову из машины:

– Так, садитесь, поехали. Тут больше делать нечего, – в его голосе были веселые нотки, которые никак не сочетались со сложившейся ситуацией.

Поколебавшись, отец тихонечко подтолкнул нас к машине:

– Дети, вы езжайте, а я завтра приеду.

Вслед за Мехти и я сел в машину. Как только машина тронулась с места, дядя пробурчал в адрес нашего отца:

– Проклятье, словно ему рожать.

* * *

«Виллис» покинул районный центр и направился в сторону села. Дядя два-три раза попытался шутить с нами, но из этого ничего не вышло. Он включил радио и искал любимые турецкие песни или еще что-то, но, не найдя, выключил радио и принялся напевать. Мы проехали немало, когда он повернулся к нам и сказал:

– Кто-то хочет в туалет? Смотрите, в следующий раз я остановлю машину только в селе. – Мы промолчали. Тогда он остановил машину и настойчиво сказал: – Выходите и справьте нужду. До села остановок не будет.

Мы вышли из машины. Правая сторона дороги была сплошь в кустах. Лишь в одном месте в кусты была проложена тропинка. Только мы ступили на нее, как Мехти задел что-то ногой. В следующую минуту раздался его радостный крик:

– Велосипед! Дядя, тут велосипед.

Дядя Мамиш растерянно ответил:

– Что ты такое говоришь? Откуда взяться велосипеду посреди пустынной равнины?

– Клянусь Аллахом, идите и посмотрите сами!

Мы приблизились к тому месту, где стоял Мехти. Он поднял велосипед на колеса:

– Видите?

– Ты посмотри! – вздохнул дядя Мамиш. – И ведь совсем новый. Везет же тебе, друг. Ну-ка, бери велосипед и поехали! Что происходит!...

– А если хозяин обнаружится? – сказал Мехти так, словно сомневался.

Дядя Мамиш рассердился:

– Парень, какой хозяин, хозяин чего? Ты как твой отец, – дядя Мамиш о чем-то задумался и добавил тихим голосом: – Если хозяин найдется – вернешь, не съешь же железку!

Мы погрузили велосипед в машину. Всю дорогу Мехти не умолкал, говорил о своей чудесной находке. Блеск его глаз ясно просматривался сквозь тусклое освещение салона машины. И было чему радоваться: настоящий велосипед марки «Украина», да еще и в масле.

Дядя поддакивал Мехти...

В те времена (не как сегодня) в магазинах ценник на товар не наклеивали. Цена гравировалась на раме еще на заводе. Я нагнулся и внимательно рассмотрел цену найденного велосипеда. Было написано: «Цена – 25 руб.»